

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 55–78.

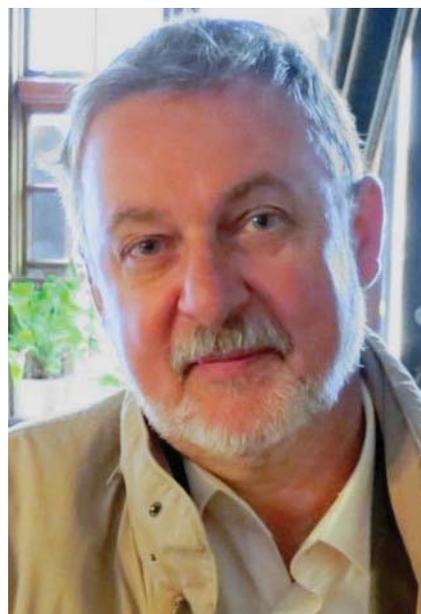
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 4. P. 55–78.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-55-78

БОРЬБА АП. ГРИГОРЬЕВА С ДОГМАТИЗМОМ В ЦЕРКОВНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ПОЭМА ИВАНА КАРАМАЗОВА «ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР»

Константин Абрекович Баршт

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Российской академии наук,

Санкт-Петербург, Россия,

konstantin_barsht@pushdom.ru

Аннотация. В статье выдвигается предположение, что в сюжете и идеологии «Поэмы о Великом инквизиторе» («Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского) содержатся реминисценции из статьи Ап. А. Григорьева «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия» (1861), которая была ответом журнала братьев Достоевских на преследование со стороны консервативных светских и церковных кругов архимандрита Феодора (в миру А. М. Бухарева), призывавшего русское общество отказаться от фарисейских и языческих элементов в исповедовании христианства, вернуться к «апостольскому православию». Последнее А. М. Бухарев понимал как не стесненный догмами и авторитетами

свободный путь человека к Богу, осуществляемый при отсутствии административного надзора за духовной жизнью верующих. Ряд вопросов, поставленных в этой статье Ап. А. Григорьевым, в частности проблема «церкви для атеистов» (людей, не способных усвоить идею Нового Завета), вопрос о безусловности церковных «догм», о значении церковного и светского «авторитета», о совместимости учения Христа с попытками созидать благо с помощью насилия, нашедшие детальное освещение в книгах А. М. Бухарева, обнаруживаются на уровне реминисценции в «поэме» Ивана Карамазова «Великий инквизитор». В статье содержится аналитическое рассмотрение творческих взаимоотношений между Ап. А. Григорьевым, А. М. Бухаревым и Ф. М. Достоевским с подключением оказавшей на них сильнейшее впечатление книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», а также историко-культурный комментарий к содержанию и итогам творческих контактов названных писателей и мыслителей.

Ключевые слова: «Поэма о Великом инквизиторе» («Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского), статья Ап. А. Григорьева «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия», Н. В. Гоголь, А. М. Бухарев, реминисценция, историко-литературный комментарий

Ссылка для цитирования: Баршт К. А. Борьба Ап. Григорьева с догматизмом в церковной и общественной жизни и поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор» // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2022. Т. 5, № 4. С. 55–78. doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-55-78.

To the 200th Anniversary of A. A. Grigoriev

AP. GRIGORIEV'S STRUGGLE AGAINST DOGMATISM IN CHURCH
AND PUBLIC LIFE AND IVAN KARAMAZOV'S POEM "THE GRAND INQUISITOR"

Konstantin A. Barsht

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia, konstantin_barsht@pushdom.ru

Abstract. The article suggests that the plot and ideology of the "Poem about the Grand Inquisitor" ("The Brothers Karamazov" by F. M. Dostoevsky) contain reminiscences from the article by Ap. A. Grigorieva "Opposition of stagnation. Features

from the history of obscurantism” (1861), which was the answer of the journal of the Dostoevsky brothers to the persecution by conservative secular and church circles of Archimandrite Theodore (in the world of A. M. Bukharev), who called on Russian society to abandon the Pharisees and pagan elements in the profession of Christianity, to return to Apostolic Orthodoxy. A. M. Bukharev understood the latter as a free path of a person to God, not constrained by dogmas and authorities, carried out in the absence of administrative supervision over the spiritual life of believers. A number of questions posed in this article by Ap. A. Grigoriev, in particular, the problem of “the church for atheists” (people who are not able to assimilate the idea of the New Testament), the question of the unconditionalness of church “dogmas”, the meaning of church and secular “authority”, the compatibility of Christ’s teachings with attempts to create good with the help of violence, which found detailed coverage in the books of A. M. Bukharev, are found at the level of reminiscence in Ivan Karamazov’s “poem” “The Grand Inquisitor”. The article contains an analytical consideration of the creative relationship between Ap. A. Grigoriev, A. M. Bukharev and F. M. Dostoevsky with the connection of N. V. Gogol’s book “Selected passages from correspondence with friends”, which made the strongest impression on them, as well as historical and cultural commentary on the content and results of the creative contacts of these writers and thinkers.

Keywords: “The Poem about the Grand Inquisitor” (“The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky), article by Ap. A. Grigoriev “Opposition to stagnation. Features from the history of obscurantism”, N. V. Gogol, A. M. Bukharev, reminiscence, historical and literary commentary

For citation: Barsht, K. A. (2022) “Ap. Grigoriev’s Struggle against Dogmatism in Church and Public Life and Ivan Karamazov’s Poem ‘The Grand Inquisitor’”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(4), pp. 55–78. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-55-78.

В нашем научном сюжете присутствуют четыре имени. Это Аполлон Александрович Григорьев и Александр Матвеевич Бухарев, вступавшие в переписку с Н. В. Гоголем и писавшие отзывы на его «Выбранные места из переписки с друзьями», и Ф. М. Достоевский, который читал это произведение и книгу Бухарева «Три письма к Гоголю», а также был хорошо знаком с творчеством Ап. Григорьева и активно общался с ним в 1860–1864 годах. Особенное значение имеет тот факт, что Достоевский редактировал статью Григорьева

«Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия». В ней содержится защита критического взгляда Бухарева и Гоголя на духовное и культурное состояние русского общества, проводится мысль о необходимости глубокого преобразования религиозной и общественной жизни в стране, выражается резкий протест против жесткого администрирования в сфере церковной и общественной жизни, подавляющего ростки христианской культуры, без которой, как верили указанные выше мыслители, у России нет исторических перспектив.

Центральной мыслью Гоголя в «Переписке с друзьями», по мнению Григорьева, нашедшему отражение в его письмах к писателю, является необходимость реального сближения бытовой жизни человека и евангельских заповедей, что предполагает полноценное исполнение нравственного закона в повседневном существовании и самых обычных делах. В своем первом письме он отметил, что организующим началом социальной жизни человечества является любовь к ближнему. Уровень ее присутствия/отсутствия в роли общественной нормы определяет весь уклад жизни [Григорьев, 1999, Письмо к Н. В. Гоголю ... , с. 29]. Однако эта мысль доселе звучит у нас как «глас вопиющего в пустыне» [там же], общество переполнено ханжами и лицемерами, которые не в состоянии вынести дух высокой искренности, пронизывающей книгу Гоголя, отсюда и шквал критики в ее адрес [там же]. Григорьев выражает также благодарность писателю [там же, с. 30] за высокую оценку его рецензии, опубликованной в «Московском городском листке» [А. Г., 1847]. И в рецензии, и в письмах к Гоголю Григорьев ставит вопрос об ответственности человека за все его мысли и действия в земной жизни как в практической, так и в духовной деятельности [Григорьев, 1999, Письма, с. 31], а также призывает к освобождению материальной и духовной сфер жизни человека от «сетей лжи», опутывающих его с детства [там же] и обращающих в раба неясных доктрин и выдуманных другими «догм» [там же].

В том же 1848 году написал свои «Три письма к Гоголю» А. М. Бухарев, в ту пору еще профессор Казанской духовной академии архимандрит Феодор. Совпадая с Григорьевым в общей тональности отзыва, он отметил как доминанту гоголевской книги стремление автора «смотреть на все в соприкосновении с Богом», который есть «сама любовь, соединяющая всех союзом самого близкого и прекрасного родства» и который придает смысл земной жизни человека и открывает путь к спасению от смерти [Бухарев, 1860, Три письма к Гоголю ... , с. 12]. Центральная мысль Гоголя о соединении узами братской любви всех, грешных и святых, высокодуховных и нищих духом, по мнению Бухарева, является основой социального строительства: «<...> вот пункт, с которого вы смотрите на все: это Воскресение нашего Спасителя или любовь Бога, обни-

Архимандрит Феодор (Бухарев) (1824–1871)

мающая в Воскресшем Спасителе всех, — всех, и грешных скликающая в одну семью, в один дом Отца небесного» [там же, с. 15].

Важные творческие предпосылки взаимного влияния Ф. М. Достоевского, Ап. А. Григорьева и А. М. Бухарева не ушли от внимания современных исследователей (см., напр. [Ашимбаева, 2012]). Их религиозно-философские контакты создали почву для глубокого идейного и духовного единения трех мыслителей. Первые его признаки — схожесть в оценке основных положений идеологии Гоголя, развиваемых им в «Выбранных местах»: и Григорьев, и Бухарев утверждали естественность движения человека к истине, органический характер его стремления к нравственному самоусовершенствованию, которое было для них главным началом жизни и рассматривалось как основа строительства социальной жизни в стране. Из этого вытекает представление об идеальном человеческом существе как свободной от всевозможных предвзятостей личности, живущей полноценной духовной жизнью, высокой моральной требовательностью к себе и сознанием ответственности за свои мысли и поступки, причем в окружении людей, которые поглощены стремлением прибрать к рукам все возможные земные блага, часто лишние для них и жизненно необходимые для других.

В переписках Григорьева и Бухарева с Гоголем вырисовывались контуры парадигмы, не слишком далекой от идей Шеллинга и Карлейля, в рамках кото-

рой поглощенные высокими духовными запросами люди оказывались в роли заложников у обывательской массы, живущей по законам «пищеварительной философии», которую, согласно известной формуле, «должно резать или стричь» [Пушкин, 1977]. Однако на деле все происходит противоположным образом. Эта тяжелая социальная проблема, угнетавшая душу Гоголя, была услышана в «Выбранных местах» Григорьевым и Бухаревым, услышана была и Достоевским и впоследствии получила отклик в одной из сюжетных линий «Братьев Карамазовых».

Беспощадная борьба ретроградов с живой мыслью, составлявшая главную сердечную тревогу Григорьева, наводила его на «мрачные размышления» о фактическом терроре со стороны апологетов застоя в отношении тех, кто требует свободы творческой деятельности как условия не только продуктивности людей, но и самого существования общества. Делая еще один шаг к формированию образа безжалостного радетеля «догмы» и «буквы», готового воевать «со всяким духом исследования» [Григорьев, 2008, Оппозиция застоя ... , с. 575], Григорьев замечает, что эта дорога ведет их «к известного рода терроризму» [там же, с. 576], называя «строгую и суровую Робеспьера» в качестве примера такого рода деятеля и тут же предполагая, что на каждого такого правителя обязательно найдется «своего рода Марат» [там же]. Цитируя Жорж Санд, Григорьев призывает к «восстанию» людей «избранных», особенностью которых является то, что им свойственна добродетель [Григорьев, 2008, О правде и искренности ... , с. 66].

Мысль Бухарева двигалась здесь в унисон с григорьевской. Он с ужасом и досадой писал о жесточайшей борьбе, которую ведут с носителями новой идеи обскуранты и фарисеи. Эти люди

<...> не принимают и не хотят ее, идут против нее на каком бы то ни было поприще, восстают против ее избранных, чернят их клеветой, презрением, для которых, по их внутреннему состоянию, по их душе, не признающей и упорно отвергающей святыню спасающей любви Божией, наконец не будет ничего святого и проч. и пр. — эти истинно бедные люди наконец получают ужасные, исполинские возрастания и плоды, которых семена теперь сеют в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся... И лучше бы не родиться этим людям: весь сонм небесных сил содрогнется от ужаса загробного наказания, их ждущего, от которого уже никто не избавит их...

[Бухарев, 1860, Три письма к Гоголю ... , с. 20]

Продолжая эту мысль, Григорьев подчеркивает, что «<...> ярость застоя, бессильная и смешная в проявлениях, содействовала к полному и на время ис-

ключительному торжеству отрицательного взгляда, наглядно показывая своим бессилием его силы. Ибо за отрицательный взгляд были в то время жизнь и литература» [Григорьев, 2008, Оппозиция застоя ... , с. 609].

Давно установлено, что поэма Ивана Карамазова — это далеко не только критика католической церкви, и даже не только любой церкви, находящей себе опоры в «чуде, тайне и авторитете» (см. [Касаткина, 2007]). В своих работах конца 1850-х — начала 1860-х годов Григорьев вскрывает сложнейшую социальную проблему, которую затем проиллюстрировал в романе «Братья Карамазовы» Достоевский: Инквизитор — это тот же добродетельный Раскольников, которому, в отличие от своего предшественника, удалось обрести власть над миром, чтобы затем попытаться осчастливить человечество, избавив его от зла. Если в жестокой борьбе между «людьми двух сортов» — «избранными», видящими Бога, и массой «себе подобных», живущими животной жизнью, — власть чаще всего принадлежит именно вторым, проводящим планомерное уничтожение «избранных», то давайте представим себе, говорит Достоевский, что случилось чудо и власть начала принадлежать не Фамусову или Угрюм-Бурчееву, а Чацкому или Раскольникову. Вырисовывается трагедия человека, который, пытаясь принести счастье человечеству, обращает людей в безгласных тварей, да и сам жестоко страдает от понимания безнадежности ситуации, в которую загнал и себя, и все общество. Ведь истинное единение людей возможно только на основе любви («положительно-приемлющего отношения», как говорил М. М. Бахтин). Но есть люди, к этому не способные, подобно лишенным музыкального слуха. Заставлять их петь и играть на музыкальных инструментах жестоко по отношению к ним и еще более жестоко по отношению к тем, кто обязан слушать их исполнение. Для единения в идее братской любви, основанной на вере в Бога, нужны новые люди, о которых думал и мечтал Достоевский в 1870-е годы, с огорчением констатируя неготовность общества к практическому осуществлению идей Григорьева и Бухарева. Об этом говорит и поэма «Великий инквизитор» Ивана Карамазова.

Важнейшим пунктом развития Григорьевым этой идеи, сыгравшей решающую роль в формировании сюжета «Великого инквизитора» в романе Достоевского, стала его статья «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия», которая окончательно сформулировала исторический смысл конфликта между представителями двух противоборствующих точек зрения на принципы общественного устройства: интеллектуально и духовно пассивного анклава с цензурно-инквизиторским контролем направления мыслей граждан, с одной стороны, и обладателей свободного мышления и гражданской позиции,

готовых брать на себя ответственность за себя и ближнего своего, способных сделать вклад в развитие творческих сил общества, — с другой. Статья эта неслучайно была опубликована в журнале Достоевского «Время» (см. [Григорьев, 1861, Оппозиция застоя ...]), поскольку она со всей очевидностью выражала мнение редакции журнала на данный предмет. Прагматическим мотивом публикации являлась попытка защитить архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) от жестокой травли, развязанной консервативными церковными и светскими кругами России, включая журнал В. И. Асоченского «Домашняя беседа» и Священный Синод. Критика взглядов апологетов «мракобесия» В. И. Асоченского и его сподвижников сочеталась в статье Григорьева с резким протестом против лицемерия и агрессивно-охранительных тенденций в церковной и общественной жизни страны, подменяющих веру в Бога набором симулякров, а нравственность — «умением деньги зашибить», как это сформулировал еще в своем первом романе Достоевский. Это сочетание органически вытекало из содержания книг архимандрита Феодора, направленных против жесткого администрирования в сфере духовной жизни общества, заключающего нравственно-онтологические искания человека в прокрустово ложе предписанных правил и скрепленных авторитетом «догм», заменяющих «живую истину» «мертвой буквой».

Ситуация жесткого надзора за духовной и интеллектуальной жизнью страны представлялась Григорьеву огромной бедой. Он опасался, что в конечном итоге это может привести к тяжелым социальным потрясениям. Подобного рода точки зрения придерживался и Достоевский. На этой основе между ними состоялся идеологический альянс в рамках доктрины «почвенничества», нашедший практическое выражение в затеянном ими на базе этой идеи журнале «Время». Далее, в 1870-е годы, после смерти Гоголя, Григорьева и Бухарева, Достоевский еще более окреп в намерении противостоять давлению авторитарных «догм», навязанных недалекими и властолюбивыми умами, указывать на разрушительный характер полицейских мер, их губительное воздействие на все сферы жизни. Роман «Братья Карамазовы» был создан как художественное воплощение идеи противостояния рутинному инквизиторскому надзору со стороны защитников концепции строительства подлинной христианской культуры, свободной от всех видов цензуры и административного давления, основанной на принципе братской любви, составлявшем основание указанных выше произведений Гоголя, Бухарева и Григорьева.

Мучившая Григорьева пропасть между заповедями Христа и реальностью повседневной жизни, изобилующей повсеместными попытками построить

сообщество «духовно-языческое» (термин Бухарева¹) или, согласно описанию в «Дневнике писателя» Достоевского, «церковь атеистов», в которой «лобызают святую книгу со слезами», не веря при этом в Бога, но зато, подчиняясь идее Великого инквизитора, веря в «догмат» гуманистического идеала человечества [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 97]. На противоположном полюсе, желанном Бухареву, Григорьеву и Достоевскому, находится «апостольское православие», где, по словам Бухарева, открывается «духовная область спасающей во Христе любви Божией», сохраняющей чистоту «Апостольского времени» как канала связи между человеком и миром «чисто духовным» [Бухарев, 1860, Три письма к Гоголю ... , с. 25, 67, 165]. В этой идеальной Церкви могло бы осуществиться свободное движение души человека к положительному нравственному идеалу. Эта мысль глубоко проникла и в творчество Достоевского, который сочувственно воспринимал творчество Бухарева в 1860-е годы и находился в заинтересованном диалоге с Григорьевым. Яркая отповедь мракобесию, стремящемуся внедрить феодальные принципы управления в область духовной жизни человека, аргументированное доказательство общественного вреда, которое наносят языческие по своей сути авторитетные «догмы», — эти мысли, содержащиеся в указанной статье Григорьева, оказались в сфере особого внимания Достоевского в период созидания сюжета поэмы Ивана Карамазова «Великий инквизитор». Две противостоящие друг другу силы, управляющие не только жизнью церкви, но и жизнью всего общества в целом, обрели персонафикацию в лицах Великого инквизитора и Христа.

Следует отметить, что Григорьев не раз использовал слово «инквизитор» для обозначения мракобесия, обретшего власть над обществом, оформленного в виде институции и/или идеологии. За приверженность религиозным догматам, которые в избытке насыщали пьесы испанского поэта и священника Педро Кальдерон де ла Барка (1600–1681), он называл его «мрачным инквизитором», параллельно обнаруживая в произведениях Данте не столько христианство, сколько итальянское католичество [Григорьев, 2008, Апология почвенничества, с. 29, 396, 506]. С сарказмом Григорьев описывал факты отсутствия в христианах христианской любви, примеры того, как разные конфессии и национальные религиозные анклав «в невежественном фанатизме» охотно

---

¹ «В настоящее время, в недрах Христианства, даже православного, усилились два губительные направления: одно — *духовно-языческое*, когда началом мысли или деятельности у Христиан бывает не Христова истина и благодать, а идола суемудрия, страстей, расчета житейского, а другое — *духовно-иудейское*, когда и для сердца самых христиан, как некогда для Иудеев, завет спасения становится только буквою или формою, или же когда Христианин, подобно Иудеям, усиливается поставить свою правду вместо приятия правды Божией...» [Бухарев, 1860, Несколько статей ... , с. 8].

объявляют друг друга еретиками, смотрят друг на друга как «на злодеев и извергов». Он замечал, что и сегодня «наши ревнители, *хоть сейчас готовы были бы учредить инквизицию для истребления духа европолюбия и для распространения духа азиелюбия и обскурантизма*, т.е. мраколюбия» [Григорьев, 2008, Беллинский и отрицательный взгляд ... , с. 556].

Продолжая мысль Гоголя и Бухарева о страшном вреде, который наносит душе человека фарисейская модель слепой веры, основанная не на свободном выборе, но на авторитете, навязанном извне, Григорьев регулярно вспоминал об испанской инквизиции, связывая идею насилия над убеждениями человека с современностью; он с горечью писал, что общественная жизнь России наполнена «фанатизмом симпатий и антипатий», свидетельствуя о «страшной напряженности умственного и нравственного настроения нашей эпохи» [Григорьев, 2008, Апология почвенничества, с. 395]. В унисон с этими утверждениями Бухарев отмечал как неприемлемую нравственную гримасу великое множество дутых авторитетов, которые далеко отстоят от нравственного идеала Христа. Их «правда» «в самых возвышенных, по-видимому, своих порывах включает много пустого» [Бухарев, 1860, Три письма к Гоголю ... , с. 26–27], их идеи-симулякры заменяют человеку внутреннюю жизнь и свободу выбора прагматической, но содержательно пустой маской.

Книга Бухарева представляет собой эссе в эпистолярном жанре, «сочинение исследователя», как сформулировал сам автор, хотя фрагменты из нее он читал Гоголю во время личных встреч [там же, с. 5]. Бухарев не нашел в «Выбранных местах» следов «духовной гордости», за что многие критиковали Гоголя, но увидел то, что прошло мимо их внимания, — боль за страну и отчетливое понимание причин ее бедствий, заключавшихся в отходе общества от христианского пути развития, в отказе от принципа любви к ближнему. Это понимание объединило Бухарева, Григорьева и Гоголя, далее к нему присоединился и Достоевский, образовав основу для возникновения образа Великого инквизитора — персонификации той страшной беды, которая терзает Россию на протяжении многих веков, и, как мы знаем, продолжает мучить ее и после смерти своих неслышанных пророков.

Не только художественно-эстетический, но и религиозно-этический аспект «органической критики» Григорьева исходил из естественного для любого человека начала сохранения себя и реализации своей свободы, которое не могло не привести его к Богу и потребовало бы безусловной нравственной ответственности за себя и за весь окружающий мир, рождая католическую нравственность (пользуясь терминологией Н. Ф. Федорова). Именно этот момент как самый главный в творчестве Гоголя подчеркивал Григорьев в своем

письме к нему. Негодование многих на мысли, высказанные в «Выбранных местах», Григорьев объяснял ненавистью к любому, кто осмелится говорить о проблеме № 1 русского общества — отходе страны, провозглашающей себя «православной», от новозаветного пути с погружением в пучину язычества и фарисейства: «То было негодование на смелый глас вопиющего в пустыне, дерзнувший серьезно заговорить о значении жизни; то было озлобление не против Вас, а против самой Божьей правды» [Григорьев, 1999, Письмо к Н. В. Гоголю ... , с. 29]. По мнению Григорьева, совершенно совпадающего с идеями Бухарева, «Выбранные места» Гоголя стали протестом против «всех устарелых ханжей и лицемеров, которые, под прикрытием священных для человека слов, ловят в мутной воде рыбу» [там же].

Обращаясь к Гоголю в первом из своих «Писем», Бухарев ставит вопрос о вреде любых априорных догм, заменяющих живое религиозное чувство человека «мертвой, стесняющей и убивающей буквой закона», которая заслоняет «живую истину» [Бухарев, 1860, Три письма к Гоголю ... , с. 11]. Он требует органического соединения социально-бытового и духовного: «На возможные пререкания о мнимой несовместимости живого внимания к светскому слову с богословским образованием напомню видение св. Апостола Петра, указывавшее на призвание ко Христу языческого мира» [там же, с. 7]. В качестве идеала связи между людьми, свободно приходящими ко Христу, Бухарев указывал на апостольскую церковь, мечтая о том, чтобы «все рванулось у нас сбрасывать и ветхое и новое, позорящее природу человека <...>: в такие минуты у нас всякие ссоры и вражды, и ненависти будут забыты, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия — один человек» [там же, с. 37]. В основе этого единения Бухарев видел «животворящую любовь» [там же, с. 25].

Бухаревскую мысль о ценности апостольского православия подхватил Достоевский, положив ее в основание идеологии «Братьев Карамазовых». Ключом для понимания смысла этого произведения является вступительное слово, которое писатель произнес 30 декабря 1879 года на литературном утре в Петербурге вместе с чтением «Великого инквизитора». В нем Иван Карамазов назван «страдающим неверием атеистом». Заметим, этот тип людей Достоевский ценил особенно высоко, как и Григорьев, с подозрением относясь к религиозным фанатикам. Самое существенное в данной речи — фраза о священнике, отказавшемся «от древнего апостольского православия» и сосредоточившемся на функциях церковного администратора, впавшем в потребительское отношение к своей пастве. Лишенные свободы выбора прихожане, говорит далее писатель, обращаются в бессмысленное «стадо», и вместо заповеданной «любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему»

[Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 198]. Здесь Достоевским прямо высказан корневой тезис «поэмы» Ивана: имеющее антихристианский характер администрирование в области внутренней жизни человека сводит к нулю самую возможность заповеданной Христом любви к ближнему, подавляя волю к свободной мысли и нанося вред нравственному здоровью человека, лишает его возможности реализации своего жизненного предназначения. Из этой речи Достоевского ясно, что дело тут не в самой инквизиции как явления истории христианства, но о том, что Христос легко сменяется на Антихриста в случае, когда у человека отнимают право свободно выбирать свой путь к истине, устанавливая его в прокрустово ложе «догм» и налагая ограничения на его мысль и волю.

Следует отметить, что Григорьев обнаруживал дилемму «ответственного» и «безответственного» нравственного статуса человека в произведениях раннего Достоевского — в повести «Двойник». Обращаясь к Гоголю, он называет это произведение примером постановки данного вопроса в отечественной литературе [Григорьев, 1999, Письма, с. 32]. Кроме того, в письме к Гоголю Григорьев акцентировал мысль, ставшую основой всех писаний Бухарева и определившую тему «Братьев Карамазовых»: о том, что «современный быт семейный, и наш русский семейный быт в особенности, куда как далеки от Христова идеала» [там же, с. 34]. Эта же мысль пронизывает «Ряд статей о русской литературе» Достоевского, определивших идеологическую основу журнала «Время» (1861), где оказались сформулированы основные принципы «почвенничества», утверждавшего в роли основной «почвы» для строительства общественной и культурной жизни в стране внутреннюю духовную жизнь человека в его свободном, не ограниченном внешним управлением движении к нравственному идеалу.

Заметим, что практически все основные положения данной статьи Достоевского можно обнаружить в опубликованных к тому моменту статьях Григорьева. И в этом не минус, но большой плюс «Ряда статей о русской литературе» Достоевского. К сожалению, важнейший для отечественной культуры альянс Григорьева и братьев Достоевских был далее разрушен двумя несогласиями между ними: опасливым нежеланием М. М. Достоевского более активно выступать в защиту опального архимандрита Феодора, а также расхождением во взглядах на пути реализации почвеннической программы в преодолении культурно-образовательной пропасти между интеллигенцией и народом. Если Григорьев на славянофильский лад призывал интеллигенцию к отказу от высокоумия, то Достоевский, напротив, настаивал на новом уровне просвещения народных масс. Неслучайно в его текстах 1870-х годов столь большое место уделено вопросам образования и воспитания юношества. Не сохранялось пол-

ного единства взглядов и на корневые вопросы формирования христианской культуры за счет обращения Нового Завета из предмета поклонения в общественную практику.

Заметим, что в текстах Бухарева, Григорьева и Достоевского практически не упоминается Троица, что и послужило причиной травли Бухарева со стороны В. И. Аскоченского. Это общее свойство имеет общую причину: для всех троих важнейшим пунктом идеологии была идея богочеловечества как возможного пути человека к Христу, мысль о Божественном «сыновстве». Христос трактовался ими как идеальное воплощение человеческого существа, полностью проникнутого Духом Святым; в стремлении к такому отождествлению они видели суть и смысл жизни. В связи с этим Достоевский многократно обращался к мысли об обществе как единстве такого рода богоподобных людей, которые «все стали Христы» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 106, 117, 182, 192, 193 и др.]. Понятно, что в рамках этой идеи, составлявшей предел мечтаний Бухарева, Григорьева и Достоевского, нет места логике Великого инквизитора, который как «гуманист» понимает, что тем, кто не в состоянии осилить новозаветную Истину, необходимо заменить трудный путь к Христу церковным календарем и набором ритуалов. В своей «Оппозиции застоя» Григорьев писал:

Не многие дошли до высоты воззрения, потребной для простой и великой в простоте своей мысли о. Феодора, что для Христа человеческий разум вовсе не так ничтожен, как для нескольких поборников застоя и насильственного единства, для нескольких духовных централизаторов, которым всякие пути, уклоняющиеся от буквы, представляются усилиями напрасными, а может быть, и погибельными.

[Григорьев, 2008, Оппозиция застоя ... , с. 583]

В своей статье он детально анализирует логику А. Н. Загоскина как полноценного воплощения торжествующего мракобесия — «добродушного, наивного, недалекого», «кидающегося на шею» «фанатика» и «изувера», который при этом «чуть что не инквизитор в своих умственных враждах»; он активно тащит своих оппонентов во имя «горячего убеждения» «на расправу», оправдывая это тем, что «теория требует жертв, как древние идола» [там же, с. 573]. В качестве литературного предшественника такого рода добродушного изувера Григорьеву вспоминается грибоедовский Фамусов, предлагавший, чтобы «зло пресечь, собрать бы книги все да сжечь!» [там же, с. 574].

Эту же идею смертоносности духовной несвободы повторяет в своем обращении к Гоголю и Бухарев, сравнивая ситуацию административного управле-

ния духовной жизнью человека, напряженно ищущего ответа на «вековечный вопрос», с попыткой медведя играть на струнном музыкальном инструменте:

Как понимаете вы бедствия еще иного рода, тяготеющие часто даже над избранною частью рода человеческого, когда человек с нежною истинно благодарною душою терпит грубые обвинения, терпит презрение от презренных, — человек с возвышенными чувствами живет среди грубых, неуклюжих людей, которых уже одно бесчувственное прикосновение в силах разбить даже без их ведома лучшую драгоценность сердечную, медвежьей лапою ударить по тончайшим струнам душевным, данным на то, чтобы выразить небесные звуки, расстроить и разорвать их <...>.

[Бухарев, 1860, Три письма к Гоголю ... , с. 14]

В своей «поэме» Иван Карамазов формулирует суть конфликта между Иисусом Христом как живым воплощением нравственного идеала и административным органом, управляющим духовной жизнью людей, церковью, обратившейся из свободного единения людей на основе принципа братской любви в государственный институт, «министерство религии». Эта мысль заявлена в самом начале главы «Великий инквизитор» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 227]. В романе Достоевский ставит вопрос о праве человека на истину, которую узурпировали имеющие значительный авторитет руководители, порождая ситуацию, при которой сам Иисус Христос может быть воспринят как «еретик»: «Зачем же ты пришел нам мешать? <...> завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков», — говорит Инквизитор [там же, с. 228]. С неприятием любого внешнего ограничения человеческой свободы связаны были опасения Достоевского относительно демократии как власти большинства над меньшинством. Худших людей всегда большинство, и потому тотальная власть худших над лучшими — это грозная опасность для нравственного состояния человечества. Следует упомянуть, что Григорьев считал автора «Выбранных мест» именно такого рода жертвой травматического воздействия «централизованной», как он говорил, работы на «высокого художника» и легко ранимого человека [Григорьев, 2008, Оппозиция застоя ... , с. 585].

В своей статье «Оппозиция застоя» Григорьев формулирует основной пункт столкновения двух сил, определяющих социальную и культурную жизнь человечества: воинствующего религиозного обскурантизма, возведенного в ранг основной гражданской добродетели, и пробивающихся сквозь его толщу ростков живой жизни.

Между обскурантизмом и религиею света, между застоём и учением любви — нет ничего общего... Для всех этих последствий нужны были и простая книга отца Парфения, поразившая своей простотою мудрых и разумных и жадно прочтенная толпою, и глубокое мышление И. Киреевского, и блестящие, оригинально смелые и широкие взгляды Хомякова, и полное веры, любви и жизни слово архимандрита Феодора <...>.

[Там же, с. 571]

Во взглядах консерваторов и обскурантов Григорьев усматривает мотив, который Достоевский передал своему Инквизитору: неверие в человеческий разум, способность критически мыслить, нравственную ориентацию в пространстве, более того — квалификация этих свойств как лишних, подлежащих искоренению. С сарказмом в адрес этих судей рода человеческого, считающих людей слабыми и безвольными социальными животными, Григорьев цитирует «слова, сказанные отцом архимандритом Феодором в его борьбе с г. Аскоценским: все обскуранты, кажется, думают, что для Бога разум человеческий так же мало дорог, как для них!» [там же, с. 573]. Эти силы, как указывает Григорьев, «ослепленно враждуя со всеми живыми силами жизни, до того, что под конец все живое» провозгласили «погибельным <...>» [там же, с. 580]. Однако «есть избранные, необыкновенно ясные души, которых мрак вовсе не касается, которым не может представиться и самого вопроса о ложности и погибельности стремлений человека к правде, красоте и любви <...>» [там же, с. 584].

Уверенность в справедливости слов Инквизитора о том, что понимание евангельской Истины доступно немногим и эти немногие во все времена были гонимы обществом, поселилась в душе Григорьева еще в юности. В письме к Гоголю он свидетельствовал о своей уверенности, что истина «сознается немногими, несколькими, одним, может быть, что истина всегда гонима и всегда на стороне гонимого» [Григорьев, 1999, Письмо к Н. В. Гоголю ... , с. 30]. Заметим, именно эту мысль о геноциде высокообразованных и духовно развитых людей в современном обществе как важнейшую обнаружил в «Выбранных местах» Гоголя и Бухарев. Однако,

<...> если бы малое число избранных готовы были бы люди совсем стереть с лица земли, то и миру нельзя было бы стоять; ниспровергнется и кончится он, выветривевшийся и готовый стать мертвым без надежды к оживлению <...>. Это самые основные мысли, душа и дух вашей Переписки с друзьями! Из общего соображения этих ваших мыслей видно, что все они направлены к тому, чтобы, с одной стороны все виды и стороны человеческого и земного освещались,

исправлялись и благоустраивались истиной Христовою, а с другой, чтобы нам соблюдать и раскрывать истину Христову в истинном ее духе, в человеколюбивом духе самого Христа, сошедшего с неба на землю и на земле дошедшего до смерти, для открытия во всем своей животворной любви, силы и премудрости.

[Бухарев, 1860, Три письма к Гоголю ... , с. 21]

Согласно мнению Великого инквизитора, продолжающего описанную в «Преступлении и наказании» классификацию людей на безгласных тварей и способных сказать «новое слово», следует пожалеть этих слабых и неразумных, неспособных ни к вере, ни к сознательному безверию, пребывающих в полуживотном состоянии, предлагая им удобоваримую версию квазирелигиозного объединения — «церкви» для неверующих, которая может спасти их от дискомфорта, мысли о никчемности и безысходности своего существования. Ведь без «твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорее истребит себя, чем останется на земле...» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 232]. На другом полюсе общественной структуры, продолжает Инквизитор, находятся «избранные», однако «этих детей свободы, свободной любви, свободной и великолепной жертвы их во имя Твое» всего лишь горстка, несколько тысяч. Но что же делать с остальными, в чем «виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие?» [там же, с. 236]. В рукописи к роману Достоевский помечает еще более жесткую реплику Инквизитора: «Я люблю человечество больше тебя» [там же, т. 15, с. 230], спасая интеллектуально и духовно хилых и увечных от мук бессмысленности своего бытия и беря на себя решение вопроса об их несостоявшемся бытийном самоопределении. Задолго до того, как были написаны эти строки, Григорьев уловил этот важнейший пункт в перспективах религиозно-общественного устройства человечества. Он писал:

Немногие дошли до высоты воззрения, потребной для простой и великой в простоте своей мысли о. Феодора, что для Христа человеческий разум вовсе не так ничтожен, как для некоторых поборников застоя и насильственного единства, для нескольких духовных централизаторов, которым всякие пути, уклоняющиеся от буквы, представляются «усилиями потерянными, трудами напрасными, а может быть, и погибельными».

[Григорьев, 2008, Оппозиция застоя ... , с. 583]

Фраза Инквизитора о немногих, способных усвоить мысль Христа и последовать за ним, повторяет мысль Григорьева из «Оппозиции застоя»: «Много

ли, повторяю, найдется Хомяковых, Киреевских, отцов Феодоров?» [там же, с. 583–584].

Однако такого рода «централизаторское» собрание в одно целое идеологически неопределившихся и принципиально неопределимых людей чревато тяжкими проблемами. Здесь таится грозная опасность, на которую указывал Бухарев. Возникает перспектива вместо собрания христиан-единоверцев, единомышленников в деле братской любви к ближнему построить атеистическую церковь, чего и опасался Достоевский:

Вот западная половина Вселенской Церкви (через допущения, конечно, папского главенства) более и более переставала духом своим внимать самому Христу, и потому от Божественного и духовного, что составляет основание и душу Церкви, стала склоняться к мирскому и греховно-человеческому. Она стала заботливо хлопотать около людей, — не проникнутая, не подвигнутая вполне любовью Христовой в сем случае, — спешила всякими способами передавать им слова Господни, в хлопотах не взвешенные полным разумом. И незаметно увлекалась человеческими видами, мирскими целями и стала действовать по мирскому. Правда, такую хлопотливой и быструю деятельность западная Церковь успела было овладеть чуть не всем миром; но сама впала в опасную односторонность <...>.

[Бухарев, 1860, Три письма к Гоголю ... , с. 25–26]

Эта «односторонность» проявилась в том, что желанное Бухаревым, Григорьевым и Достоевским соединение евангельской истины с бытовой жизнью человека пошло тут в обратном направлении — в поглощении принципов христианства обыденными правилами бытового уклада, свойственного еще ветхозаветным временам, появлению, как писал Бухарев, «языческого православия». Основная идея Бухарева и Григорьева заключается в необходимости сделать нечто противоположное: развернуть новозаветные принципы жизни навстречу бытовым запросам людей. В противном случае, пишет Бухарев, подобно тому, как это произошло в католицизме,

<...> мир и жизнь тем менее и менее, следовательно, могли находить в такой Церкви духовного удовлетворения себе. И отторгнутый или неутвержденный в самом начале в любви Христовой, устремляющей все в человеке в один согласный гимн Богу, западный человек мало по малу стал сам в себе, в собственном только разуме и произволе искать удовлетворения себе.

[Там же, с. 26]

Помимо деятельных христиан и отказавшихся от веры атеистов, указывает Бухарев, есть и склонные «к духовной дремоте» [там же, с. 31], и этот третий тип, считал Достоевский, — самый опасный для нравственного здоровья общества. Эту типологию, включавшую в себя тип сознательно фарисействующих христиан, поддерживал и Достоевский, считавший любого атеиста, напряженно ищущего свою веру, несравненно выше человека, слепо или от лени подчинившего себя «догмам». В связи с этой темой писатель любил цитировать Откровение Святого Иоанна Богослова: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15–17)². Эта типология была близка Григорьеву, а для Достоевского стала опорным пунктом в строительстве диалога между Инквизитором и Христом в романе «Братья Карамазовы». Люди этого типа, которых Бухарев называет «отказавшимися от любви», по его мнению,

<...> не сделают доброго, хотя и желали бы того и мечтали о том; все у них будет без духа живого, при всей наружной блистательности или высоте, все будет гниль и само в себе будет носить семя распада, как бездушное тело, все будет пусто и несостоятельно; души их рано или поздно горько почувствуют свою пустоту и сиротство, свою беду и нужду.

[Бухарев, 1860, Три письма к Гоголю ... , с. 20]

Как и Бухарев, Григорьев считал самой большой опасностью общественное доминирование толпы безответственных людей, которых, упрекая Христа, сумел сорганизовать в послушное стадо Великий инквизитор. Уместно обратиться к описанию Бухарева:

Страшно обрушилась судьба миллионов его собратий, кто страшно ответственностью за них пред Богом освобожден уже от всякой ответственности пред людьми, кто болеет ужасом этой ответственности, не понятным даже для стоящего внизу человека, кто среди самых развлечений слышит вечный, неумолкаемо раздающийся в ушах клич Божий, неумолкаемо к нему вопиющий.

[Там же, с. 39]

Надо отметить, что подобного рода типологию, указывающую на два типа отношения к религии, свойственных «избранным» и «простым» людям, отме-

---

² См., напр. [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 497].

чал в своих трудах и Бухарев. Он определял первый тип словами «устремленный к любви»:

И чем больше такой избранный будет просвещаться и проникаться светом и огнем этой любви Божией, чем более ей послушен и предан, — тем естественно более и одушевляется любовью к человеку и к бедной душе его, любовью, благоухающей смиреньем и готовой на всякое самоотвержение. В этом-то духовном состоянии он и будет готов обнять и прижать к себе человека, как наироднейшего брата, обрадоваться как бы своему наилучшему другу.

[Там же, с. 18]

Такого рода избранный способен вместить в себя божественную любовь, которую он способен обрести «всеми силами своими, с возрастающей энергией», идя по пути «подчинения самого себя <...> Божественной любви, пока, наконец, действительно не войдет в открытые обители сей любви» [там же, с. 19]. Вторые же, «замерзшие в духе», которые не способны принять такую любовь,

<...> которые не хотят, или еще не умеют подчинить все свое существо этому животворному началу, <...> терпят лишение в деле собственного духовного развития <...>; и тем хуже для них, чем многостороннее и глубже их натура; силы их, не находя полного законного занятия, будут мучить их самих, и в их словах и поступках будет обнаруживаться что-то нестройное, придавленное, замерзшее в их духе.

[Там же]

Нечто подобное, как очевидно, происходит в романе Достоевского с Иваном Карамазовым.

Борьба «живой жизни» «с мертвою, отжившею и извращенною буквою», олицетворенной «нашими мраколюбцами», как указывает Григорьев, идущая на протяжении всей мировой истории и не только в России [Григорьев, 2008, Оппозиция застоя ... , с. 585], оказалась общей темой для Достоевского и Григорьева, связав статью «Оппозиция застоя» и поэму «Великий инквизитор» Ивана Карамазова не только тематической связью, но и отношением текстовой преэминентности. Подобно Инквизитору, который собирает в некое подобие религиозного сообщества неверующих, обладающих низким интеллектуальным и нравственным уровнем, такого же рода объединитель человечества, «мракобес» в статье Григорьева совершает ту же ошибку, вы-

давая свой кругозор и уровень понимания реальности за высший из всех возможных, нанося онтологическое оскорбление миллионам людей, видящих мир по-другому:

Централизаторы, приверженцы буквы — странная ирония! — становятся свой собственный разум, т.е. свое личное, скованное понимание буквы, мериллом путей великой и таинственно неуследимой силы, и, — не зная ни ее последующих проявлений, ни ее конечных целей, — произносят с высоты присвоенного себе авторитета приговор всяким путям, кроме тех, которые условлены их буквою... Вред, происходящий от такого произвольного, хотя вместе и рабски буквального указания путей, ужасен и в области мышления, и в области искусства, и в области жизни.

[Там же, с. 583]

Нельзя не заметить, что начало статьи «Оппозиция застоя» повторяет мысль, звучащую в зачине романа «Братья Карамазовы»:

Бывают в литературе вещи, которые совершенно ускользают от внимания современников, но которые для последующих поколений представляют собою факты в высшей степени замечательные, озаряют целые направления. Таких вещей не надобно искать между крупных литературных явлений, ибо в таком случае они были бы замечены современниками; такие вещи пишутся обыкновенно без всяких притязаний на какое-либо значение, пишутся так, вполне от души, вполне наивно. В них мысль известных направлений является подомашнему, нараспашку, как может быть и не хотели бы показать ее главы известных направлений, или, по крайней мере, как не хотели бы они показать ее сначала. В таких проговорках направлений, — проговорках по большей части нежданных и ранних, сказывается нечто роковое...

[Там же, с. 567]

Роман «Братья Карамазовы» начинается подобного рода намеками на важнейшее «дело» Алексея Карамазова: «Это, пожалуй, и деятель, но деятель неопределенный, невыяснившийся», который носит в себе «сердцевину целого, а остальные люди его эпохи — все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 5].

Первая ласточка будущего новозаветного обновления России, Алеша Карамазов, выходит из монастыря в мир. Не исключено, что на завет старца Зосимы и решение Алеши Карамазова покинуть монастырь оказала влияние

мысль Гоголя о том, что «монастырем» для настоящего христианина фактически является вся Россия, а не только монастырь как таковой. В письме к графу Александру Петровичу Толстому Гоголь писал:

Вспомните, что когда приходила беда <...>, тогда из монастырей выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее. Чернецы Ослябя и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину, и легли на кровавом поле битвы, а вы не хотите взять поприща мирного гражданина, и где же? — в самом сердце России.

[Гоголь, 1952, с. 302]

Описанное в романе «дело» Алеши Карамазова, вероятно, должно было состояться в ненаписанных втором и третьем томах романа Достоевского как такого рода подвиг по спасению страны от зла, которое несет ей религиозное мракобесие, ведущее общество к застою — враг номер один для Григорьева и Достоевского.

Намеченные нами пункты далеко не полностью исчерпывают тему, требуя продолжения изучения преемственных связей, существовавших между произведениями Ап. А. Григорьева и романским творчеством Ф. М. Достоевского.

Список источников

А. Г. [Григорьев А. А.] Гоголь и его последняя книга // Московский городской листок. 1847. № 56. 10 марта. С. 225–226; № 62. 17 марта. С. 249–250; № 63. 18 марта. С. 254; № 64. 19 марта. С. 255–256.

Ашимбаева Н. Т. Архимандрит Феодор (Бухарев) и Достоевский // Dostoevski monographs: A Series of International Dostoevsky Society. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. Вып. 3. С. 267–276.

Бухарев А. М. Несколько статей о святом апостоле Павле. СПб.: Тип. Королева и К°, 1860. 206 с.

Бухарев А. М. Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году. СПб.: Тип. Морского министерства, 1860. 260 с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / гл. ред. чл.-корр. АН СССР Н. Л. Мещеряков. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8: Статьи.

Григорьев А. А. Апология почвенничества / сост. и коммент. А. В. Белова. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 684 с. (Русская цивилизация).

Григорьев А. А. Белинский и отрицательный взгляд в литературе // Григорьев А. А. Апология почвенничества / сост. и коммент. А. В. Белова. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 520–566.

Григорьев А. А. О правде и искренности в искусстве. По поводу одного эстетического вопроса. Письмо к А. С. Хомякову // *Григорьев А. А. Апология почвенничества / сост. и коммент. А. В. Белова. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 9–83.*

Григорьев А. А. Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // *Время. 1861. № 5. Май. С. 1–35.*

Григорьев А. А. Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // *Григорьев А. А. Апология почвенничества / сост. и коммент. А. В. Белова. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 567–609.*

Григорьев А. А. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. 473 с. (Лит. памятники).

Григорьев А. А. Письмо к Н. В. Гоголю по поводу его последней книги (Вторая половина октября — первая половина ноября 1848. Москва) // *Григорьев А. А. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 29–31.*

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. 30 т., 33 кн.

Касаткина Т. А. «Братья Карамазовы»: опыт микроанализа текста // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 283–319.

Пушкин А. С. «Свободы сеятель пустынный...» // *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. Т. 2. С. 145.*

References

A. G. [Grigor'ev, A. A.] (1847) "Gogol' i ego poslednyaya kniga" ["Gogol and his Last Book"], *Moskovskii gorodskoi listok [Moscow City Sheet]*, 56, 10 Mar, pp. 225–226; 62, 17 Mar, pp. 249–250; 63, 18 Mar, pp. 254; 64, 19 Mar, pp. 255–256.

Ashimbaeva, N. T. (2012) "Arkhimandrit Feodor (Bukharev) i Dostoevskii" ["Archimandrite Theodore (Bukharev) and Dostoevsky"], in *Dostoevsku Monographs: A Series of International Dostoevsky Society. Iss. 3. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin*, pp. 267–276.

Bukharev, A. M. (1860) *Neskol'ko statei o svyatom apostole Pavle [Several Articles about the Holy Apostle Paul]*. St. Petersburg: Tipografiya Koroleva i K°.

Bukharev, A. M. (1860) *Tri pis'ma k Gogolyu, pisannye v 1848 godu [Three Letters to Gogol, Written in 1848]*. St. Petersburg: Tipografiya Morskogo ministerstva.

Dostoevskii, F. M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh [Collected Works: 30 vols]*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie.

Gogol', N. V. (1952) *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh. Tom 8. Stat'i [Collected Works: 14 vols. Vol. 8: Articles]*. Editor-in-Chief N. L. Meshcheryakov. Moscow: AN SSSR Publ.

Grigor'ev, A. A. (1861) "Oppozitsiya zastoya. Cherty iz istorii mrakobesiya" ["Opposition of Stagnation. Features from the History of Obscurantism"], *Vremya*, 5, May, pp. 1–35.

Grigor'ev, A. A. (1999) *Pis'ma [Letters]*. Edited by R. Vittaker & B. F. Egorov. Moscow: Nauka Publ.

Grigor'ev, A. A. (1999) "Pis'mo k N. V. Gogolyu po povodu ego poslednei knigi (Vtoraya polovina oktyabrya — pervaya polovina noyabrya 1848. Moskva)" ["Letter to N. V. Gogol about his Last Book (Second half of October — First half of November 1848. Moscow)"], in Grigor'ev, A. A. *Pis'ma [Letters]*. Edited by R. Vittaker & B. F. Egorov. Moscow: Nauka Publ., pp. 29–31.

Grigor'ev, A. A. (2008) *Apologiya pochvennichestva [Apology of Soiling]*. Compilation and comments by A. V. Belov. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii.

Grigor'ev, A. A. (2008) "Belinskii i otritsatel'nyi vzglyad v literature" ["Belinsky and the Negative View in Literature"], in Grigor'ev, A. A. *Apologiya pochvennichestva [Apology of Soiling]*. Compilation and comments by A. V. Belov. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, pp. 520–566.

Grigor'ev, A. A. (2008) "O pravde i iskrennosti v iskusstve. Po povodu odnogo esteticheskogo voprosa. Pis'mo k A. S. Khomyakovu" ["About Truth and Sincerity in Art. Concerning one Esthetic Question. Letter to A. S. Khomyakov"], in Grigor'ev, A. A. *Apologiya pochvennichestva [Apology of Soiling]*. Compilation and comments by A. V. Belov. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, pp. 9–83.

Grigor'ev, A. A. (2008) "Oppozitsiya zastoya. Cherty iz istorii mrakobesiya" ["Opposition of Stagnation. Features from the History of Obscurantism"], in Grigor'ev, A. A. *Apologiya pochvennichestva [Apology of Soiling]*. Compilation and comments by A. V. Belov. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, pp. 567–609.

Kasatkina, T. A. (2007) "«Brat'ya Karamazovy»: opyt mikroanaliza teksta" ["The Brothers Karamazov': The Experience of Microanalysis of the Text"], in *Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: sovremennoe sostoyanie izucheniya [The Novel by F. M. Dostoevsky «The Brothers Karamazov»: The Current State of the Study]*. Edited by T. A. Kasatkina. Moscow: Nauka Publ., pp. 283–319.

Pushkin, A. S. (1977) "«Svobody seyatel' pustynnyi...»" ["Desert Sower of Freedom..."], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 2 [Collected Works: 10 vols. Vol. 2]*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, p. 145.

Информация об авторе: К. А. Баршт — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

Information about the author: K. A. Barsht — DSc in Philology, Professor, Leading Research Fellow at the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (IRLI). Address: 4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 30.06.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 05.12.2022.